

Едва ли эта история способна кого-нибудь заинтересовать. Впрочем, делая данные записи, я и не задавался целью создать нечто интересное. Всё это лишь память, лишь для себя. Мне хотелось, чтобы этот день никогда не потускнел в сознании, потому как то было единственное воспоминание, подпитывающее во мне желание жить, дающее ощущение ненеприятности жизни или хотя бы надежду на ненеприятность.

Возможно, кто-то назовёт вышесказанное высокопарной чушью, а прочитав историю, и вообще запишет автора на приём к психиатру. Однако я верю, что будут и те, кто поймёт, и эта вера ещё один родник, питающий надежду на ненеприятность того странного летнего дня.

Тогда я был почти на два года моложе – вот, пожалуй, главное отличие от меня сегодняшнего. Кроме того, тогда я ещё был женат, но это менее существенно. Она была на полтора года младше меня, двадцатилетнего идиота, полагавшего, что влюблён и хочет стать отцом. Пышное свадебное платье не в силах было скрыть шестимесячный живот. Все поздравляли нас, но с чем поздравляли, теперь не совсем понимаю. Вероятно, они попросту радовались, что полку идиотов прибыло и можно будет вдоволь позабавиться, наблюдая за жалкими попытками что-то посеять на каменной, не возделанной чувствами земле.

Что нет чувств, стало ясно очень скоро, когда стыдливо прятавшийся под пышным платьем живот произвёл на свет ребёнка без признаков жизни.

Это очень точное выражение: без признаков жизни. Оно характеризует всё, что было в дальнейшем, всю нашу совместную жизнь, лишённую тех самых признаков. Не было ничего, даже ссоры обходили стороной наш маленький склеп.

127

Ссоры – это разногласия, а чтобы появились разногласия, нужны точки соприкосновения. У нас же каждый сплавлялся по своему личному течению. Слово «развод» никогда не звучало под этой крышей. Всё устоялось, всё всех устраивало. Я мог спокойно провести ночь на стороне, а утром, появившись на пороге, встретить безразличное молчание. Случалось и мне коротать ночь в одинокой квартире. И такое же молчание было ответом на её появление. И молчал я отнюдь не потому, что помнил, как молчала она. Мне действительно было безразлично, где и с кем ночевала моя жена, если можно назвать этим словом женщину, с которой меня связывал лишь штамп в паспорте да высокие цены на недвижимость, не позволяющие разъехаться. Впрочем, довольно об этом...

Тогда на дворе стоял июль. Этот месяц приятно ассоциировать с жарой, но то, что спустилось в те дни на задыхающийся от пыли и сажи

город, тяжело назвать просто жарой. Сорок два градуса в тени. Десять долгих дней сорок два градуса в тени. Воздух переливался над раскалённым асфальтом, порождая миражи. Полупустынные улицы казались бесконечно длинными, ноги вязли и тяжелели, словно с каждым шагом на подошвы налипал невидимый пластилин. Оживление наблюдалось лишь у немногочисленных фонтанов, где обессилевшие от зноя горожане жадно ловили ртами брызги холода и с отчаянием смотрели в безжалостное небо.

В один из таких страшных удушающих дней уехала жена. Это было связано с её новой работой. Хотя, по правде сказать, я об этом имел очень смутное представление и не могу поручиться, что причиной поездки была именно работа.

К чему лукавить? Я считал дни до того момента, когда она наконец исчезнет. Множество неприятнейших планов крутилось в голове. Две недели одиночества в квартире, сделавшейся вдруг просторной и светлой.

Так совпало, что в тот же день уезжал в отпуск и один из моих друзей, с той лишь разницей, что делал он это поездом, а не самолётом и почти на десять часов позже жены. Знаменательные в некоторых отношениях проводы состоялись в самом удобном месте, то есть у меня дома.

После окончания проводов планировалась поездка на железнодорожный вокзал, где предполагалась погрузка друга в плацкартный вагон под 125 аккомпанемент выстрелов из зелёных бутылок.

Так всё и получилось. Только вот ни в поездке, ни тем более в стрельбе шампанским мне участвовать не довелось. Излишне вдохновлённый отъездом жены, я напился и лишился сознания задолго до ухода весёлой компании. Благо, что входная дверь имела свойство захлопываться и меня не оставили наедине с внешним миром.

В половине второго ночи я проснулся и понял, что умираю. Никакого похмелья, ничего подобного. Это было что-то другое. Я задыхался. Днём было проще, но эта страшная раскалённая недельной засухой темнота душила меня. Я не мог находиться в ней. Мне в ней было тесно и тоскливо. Я открыл все окна, облил голову водой из-под крана и выпил два стакана ледяной минералки из холодильника. Ничего не помогало. Ночь продолжала душить. Я метался по квартире, точно акула, для которой движение – это возможность дышать, пытался сесть в кресло и уснуть, но стоило голове соприкоснуться с мягкой кресельной спинкой, как на грудь опускалась плита.

Я понимал, что сон – это смерть, и, вскакивая, продолжал своё бесцельное судорожное метание.

Возможно, то были самые длинные два часа в моей жизни, однако даже длинные часы вспоминаются с трудом, когда время уходит.

Проснулся я очень поздно. Пот ручьями струился по лицу и спине. Тяжёлое, некомфортное чувство поселилось во мне. Скорее, это было не чувство, а предчувствие какой-то беды, притаившейся неподалёку и следящей за мною.

Принял душ. Съел, преодолевая отвращение, несколько бутербродов, запив их остатками вчерашнего пива, после чего предчувствие беды немного притупилось и появились мысли. Я думал, как провести этот день. День, предшествовавший тому, ради которого я теперь затеял всю эту глупую возню с бумагой и чернилами.

Свобода свалилась на меня будто метеорит, и я озадаченно её рассматривал, не зная, как ею воспользоваться. Ещё совсем недавно всё казалось простым и понятным. Простые и понятные картины рождались в сознании. Выпивка, девчонки, походы с друзьями по барам и развлекательным центрам. Что может быть проще и понятнее? Единственным пустяком, вставшим на моём пути к девчонкам и прочей ерунде, оказались деньги. Денег было мало. Их всегда было мало. Мною вдруг овладело уныние. Но не из-за денег, а из-за того, что я вспомнил о работе, которая эти деньги приносила.

Отсюда, собственно, и можно было начать свои бестолковые рваные записи, но как-то всё цеплялось одно за другое, воспоминания нагромождались и липли друг к другу. Однако к чёрту оправдания...

Работа... Неважно, что это была за работа. Важно, что я её ненавидел. Тогда, в том адском июльском пекле, мысль о завтрашнем трудовом дне едва не разнесла мою голову взрывом бешенства, отчаяния и отвращения.

Я нашёл градусник в коробке с таблетками и мазями и призвал на помощь палящее светило. Тридцать шесть и девять. Коварные насмешливые цифры вопрошали: «Где ты возьмёшь то самое волшебное деление, дающее право завтра остаться дома?» Злобным движением руки я опрокинул коробку на ковёр. Какой-то бутылёк, сверкнув, укатился под диван.

Большой белый тюбик лежал среди груды лекарств. «Согревающий гель», – было написано на нём, а над надписью красовался огненного цвета стручковый перец.

Через пять минут подмышечная впадина горела. Ощущения были такие, что казалось, градусник взорвётся, разбрызгивая блестящие шаррики ртути, но на деле лишь два деления выиграл я в этой нелёгкой и нечестной борьбе.

Всю дорогу до поликлиники меня мучила жажда. Подмышка болела. Пот стекал по лицу и тяжёлыми, как дробины, каплями падал на мостовую. Пока я шёл, пока сидел в ожидании своей очереди, окружённый жуткими ворчащими стариками, пришла вера в болезнь. Я действительно почувствовал себя скверно, и в тесном душном кабинете мне почти не пришлось симулировать. Градусник показал тридцать семь и пять. Это было феноменально. В придачу к свободе от жены я получил и свободу от работы. Однако в тот день я настолько устал от всех видов свободы, что, выпив дома вожделенного пива, тотчас уснул.

Разбудило меня непривычное ощущение свежести. Я сидел в кресле, а через открытую балконную дверь в комнату вплёскивалась прохлада. Беспроглядная ночь стояла за окном, и страшный ливень, вобравший в себя всю тоску растрескавшейся от зноя земли, бушевал в темноте.

Это было чудесно: просто сидеть и дышать. Ни курить, ни пить столь желанное когда-то пиво не хотелось. Дышать – вот в чём истинное счастье. Чтоб понять это, мне понадобилась предыдущая ночь и двухчасовое метание по квартире в поисках воздуха.

Помнится, засыпал я с каким-то удивительным чувством, походящим на волшебную свежесть, льющуюся из темноты. Я засыпал с ощущением надежды на что-то хорошее. Если б я знал, что готовит мне грядущий день! Если б я знал...

На этот раз я проснулся в начале девятого. Чистое синее небо виднелось за окном. Давно я не вставал в столь ранний час, при этом так замечательно отдохнув.

Внутри kloкотала невиданная жажда деятельности. Чтобы хоть немного её усмирить и не наделать глупостей, мне пришлось лечь на пол и пятьдесят раз отжаться.

Потом я ел глазунью с хлебом и колбасой, пил ароматный молотый кофе и курил прямо в зале, чего никогда не позволял себе в присутствии жены. На улице было удивительно свежо, впрочем, день ещё не разыгрался, всё могло измениться.

Идти на приём к врачу мне предстояло лишь через четыре дня. Девяносто шесть часов рафинированной свободы от обязательств перед кем бы то ни было.

Мне было немного жаль, что я так рано проснулся. Хотелось уже куда-то идти, как-то веселиться, и я переживал, что из-за раннего часа не найду человека, согласного составить мне компанию.

Кроме уехавшего на поезде друга имелось ещё двое подобных друзей, в чьём обществе я ощущал себя комфортно и раскованно, с кем не надо было мучительно подыскивать тему для беседы, с кем даже молчание казалось естественным и исполненным смысла.

Я позвонил им, устав маяться от безделья, приблизительно около одиннадцати часов, сначала одному, потом другому.

Первый сказал, что в ближайшие три дня ему предстоит работать с десяти утра до полуночи, обещал обязательно заглянуть в выходной, пожелал удачи и от души повеселиться. Второй сообщил мне, что находится в санатории в ста километрах от города, а в город собирается нагрянуть на субботу – воскресенье, и уж тогда-то веселье не заставит себя долго ждать.

126 Был понедельник, и мне надо было чем-то заняться именно в понедельник, а не через три дня и не в субботу – воскресенье.

Внимательно перелистав раздел «Контакты» в телефоне, я насчитал ещё шесть товарищей, с которыми на безрыбье можно было бы отпраздновать мою свободу. Кроме того, я насчитал ещё пять девушек, оставивших в памяти неплохие воспоминания. Но я не хотел звонить тем девушкам, хотелось новизны. Кроме того, с последней из них я общался полтора месяца назад, а сейчас не имел ни малейшего желания объяснять причины внезапно нахлынувшей нежности.

В половине двенадцатого я обзвонил шестерых товарищей. Трое не ответили совсем. Один был по уши занят и не планировал окон для увеселительных мероприятий. От двоих я не сумел ничего добиться, кроме невнятного мычания и глупых фраз типа «может быть», «как-нибудь», «если чё, перезвоню». Проще и понятнее было сказать: «Да пошёл ты со своим весельем и своей свободой», а не мычать в трубку и не врать про ответные звонки.

Оставались девушки. Им я звонил уже в первом часу.

И здесь трое оказались в недоступности из-за отсутствия связи. Одна сказала что-то в стиле вышеупомянутых «может быть», «как-нибудь».

Но всё это были цветочки в сравнении с пятой, после беседы с которой я уронил телефон на ковёр и, неестественно хихикнув, тупо уставился на погасший экран. Эта особа заявила мне, что скоро выходит замуж и просит больше не звонить и не дискредитировать её в глазах здорового общества, считающего её во всех отношениях порядочной дамой.

Это было уже слишком. Беспольный телефон валялся на ковре, и рядом валялась бессмысленная, никому не нужная свобода. Ни чистое небо, ни свежесть, ни kloкочущая жажда деятельности не имели, как оказалось, никакого практического применения. Я не умел веселиться один. Один я мог лишь выпить и уснуть, а это было весьма жалкое использование абсолютной свободы.

Я неподвижно сидел на диване. Мрачнейшая, невиданная ранее депрессия надвигалась на меня, и я не имел средств для борьбы с ней. Буквально чувствовал, как что-то начинает давить мне на грудь, и не мог списать это на вечернюю духоту. Духота прошла, но она оставила след в моей душе – грубый и чёткий след, похожий на шрам. Когда уезжала жена, мне хотелось петь и смеяться. Она уехала, а я готов завить перед этим безоблачным небом, повисшим над балконом. Возможно, что всё наладится: веселье взорвётся точно шампанское, разбрызгивая пьяную пену, и полнота жизни будет распирать грудь. Возможно... Но шрам останется, и воспоминание о желании быть, подобно последней собаке на Земле, останется со мною.

Помню, что, просидев неподвижно, должно быть, около получаса, я вскочил как полоумный и нервно, словно боялся куда-то опоздать, принялся одеваться. Я не мог больше находиться в пустой квартире. Мне нужны были люди, пусть чужие, пусть равнодушные ко мне и моим проблемам. Я не ждал от них помощи или хотя бы сочувствия: достаточно было видеть их лица и сознавать себя одной из таких же бесчисленных жалких букашек. И ощущать, какое это счастье – быть букашкой, думать как все, поступать как все. Никаких депрессий, никакой духоты, оставляющей шрамы в душе. Да и души не надо никакой букашкам: к чему она им? Аппетит только портить...

Проспект был весьма оживлённым в тот час. Бодрые улыбчивые люди, соскучившиеся по не

сдавленному стенами воздуху, топтали остуженную ливнем брусчатку. Они пили пиво, курили; тонкие чёрные змеи проводов вливали музыку в их весёлые уши. Как хотелось мне стать одним из них, но я не мог. Шрамы ещё горели, и, дабы потушить этот огонь, я купил в киоске большую холодную бутылочку. А чтобы едкий дым от вчерашней духоты выветрился из лёгких, я приобрёл пачку ароматных сигарет.

Стало немного легче. Хотя бы внешне я добился схождения с букашками и полноправно вклинивался в великий поток, в поток, где все мыслимые направления ведут в никуда, а потому нет шансов сделать ошибку. Каждый шаг бессмыслен, а потому правилен. Ведь не может быть неправильным то, чему нет альтернативы. Ведь не может быть, что человек осуждён за то, что он поступает как все.

Я плыл сквозь людской поток, словно большая неторопливая рыба в мутной воде. Моей целью был банкомат, так как покупка пива выявила острую нехватку наличности, без которой ласковый, по-отечески принявший меня поток вновь сделается чужим и недоступным.

Троллейбус поравнялся со мной и с клацаньем раскрыл гостеприимные двери. Не помню, зачем я прошёл в салон. Идти было недалеко. Возможно, мне почудилось знакомое лицо или что ещё. Полная моложавая кондукторша не произнесла ни слова. Она просто встала около меня, и весь её вид выражал грустное ожидание, способное тронуть самого закоренелого безбилетника.

Я отсчитал мелочь в протянутую ладонь, получив взамен маленький клочок бумаги, впился взглядом в ярко-красные цифры. Я всегда смеялся над этими счастливыми билетиками и над простачками, наделяющими никчёмные бумажки судьбоносной силой. Я смеялся, но почему-то всегда радовался, если сумма трёх левых цифр совпадала с суммой трёх правых.

В тот день она не совпала: не хватило единицы. Билет оказался встречным. У меня появилось желание разорвать его за насмешку, потому что в тот день в том городе встречаться мне было не с кем. Однако я не порвал билет. Я аккуратно положил его в задний карман. Даже такое глупое, жалкое чучело надежды согласен был сделать своим талисманом идиот, слишком поздно ощутивший истинную глубину поглотившей его ямы.

Впрочем, довольно. Прелюдия и без того затянулась. Хочет просто описать тот загадоч-

ный летний день. Безболезненно и быстро вскрыты старый нарыв. На нескольких страницах описать то, что вот уже два года я переживаю в мельчайших подробностях каждую минуту... Так не бывает, и, перечитав написанное, я не смог ничего вычеркнуть: слишком всё взаимосвязано. Я даже думаю (пусть меня сочтут ненормальным), что, не протяни мне кондукторша тот билет, всё сложилось бы иначе... Билет и теперь со мною. Он лежит в ящике комода в стопке таких же счастливых и встречных собратьев: все они собраны за эти два года, но ни один из них так и не стал спасательным...

Я вышел через две остановки. День был в самом разгаре. Ночной ливень принёс городу облегчение, но чувствовалось, что жара просто взяла паузу для подготовки к новому удару. В вестибюле банка не оказалось ни одного человека. Сиротливый банкомат смотрел на меня равнодушным стеклянным взором.

Ворчливо поскрипев, он выплюнул несколько банкнот и затих, а я подумал, что не знаю, куда и зачем сейчас пойду и чем буду там заниматься. Единственное, что я худо-бедно почувствовал, было назначение выданных банкоматом банкнот, но ничего оригинального в этих представлениях не присутствовало.

Духота тем временем сгущалась, но я словно не замечал её.

Быстрым нервным шагом, обгоняя неторопливых пешеходов, я ходил по улицам осточертевшего города, толком не сознавая даже направления пути, а в моей руке всегда была холодная бутылка или сигарета: они создавали иллюзию покоя, с ними мне казалось, что я чем-то занят, что-то делаю.

В точности не знаю, сколько времени я уничтожил таким способом. Ничто не отвлекало меня и не давало поводов глядеть на часы. Даже телефон не зазвонил в кармане, чтобы каким-нибудь родным тёплым голосом напомнить о безвозвратной гибели дней.

Из того странного полубессознательного состояния меня вывел шум. Я вдруг увидел, что стою посередине городского парка аттракционов, а вокруг гудят, режут и клацают всевозможные увеселительные механизмы. На всё это накладывался визг увеселяемых сограждан – резкий неприятный звук, более приличествующий камере пыток.

Здесь былолюдно и весело. Здесь платили деньги за право истошно визжать, не выглядя

при этом полными идиотами. Здесь маленькие мнимые жизни наполнялись маленькими мнимыми смыслами, позволяющими не оплакивать гибнущие дни, а смеяться над ними.

Нет, я не осуждал эти маленькие жизни и не смотрел на них свысока. Как я мог это делать, будучи одним из них? Я тоже хотел истошно визжать, кружась над землёй, но не мог этого сделать. Какая-то неизвестная сила вырвала меня из ровного, мощного, привычного потока и бросила на пустынный берег. И теперь я стоял, глядя, как поток течёт мимо. Я стоял, мечтая вернуться и чувствуя, что это невозможно, потому как казавшийся родным, уютным поток в одно мгновение сделался чужим и далёким.

Я хотел, я мечтал швырнуть деньги залихватски в окошко кассы и броситься головой в упоительный пьянящий хоровод, раствориться без остатка в этом буйстве людей и машин, плюнуть на глупое время с высоты колеса обозрения. Однако моих одиноких сил хватило лишь на то, чтобы войти под синий навес летнего кафе и расположиться за самым дальним от барной стойки угловым столиком. Других свободных столиков не было, но, будь кафе даже совершенно пустым, я всё равно сел бы именно там – настолько хотелось отгородиться от чужого, недоступного мне веселья. Отгородиться если не ширмой, то хотя бы расстоянием.

Под навесом было прохладнее и играла лёгкая, ненавязчивая музыка. Свободный столик казался чудом в этом благодатном месте. Но ещё большим чудом казались свободные стулья. Их было два. Компании в кафе сидели внушительные. Одна из них, расположившаяся сразу у входа, состояла едва ли не из пятнадцати человек, по виду студентов-первокурсников. Они, сдвинув два стола и натаскав стульев от соседей, что-то бурно отмечали, чокаясь бутылками и смеясь нежными, как у лошадей, голосами.

Но, как ни странно, я не испытывал неприязни к этому смеху, возможно, просто устал испытывать неприязнь.

Музыка играла, пиво пенилось в бутылке – всё налаживалось, одиночество начинало нравиться, и единственным предметом, способным нарушить достигнутое равновесие, был последний в этом кафе стул. Я боялся, что кто-нибудь войдёт под навес и задаст мне простой вопрос: «У вас свободно?» Вопрос, который вновь всколыхнёт осевшую было муть, после чего мне

уже не найти покоя в этом злом, неприветливом городе.

Часы показали половину пятого, кафе закрывалось в одиннадцать. Шесть с половиной часов стабильности бытия. Что будет потом, я не знал и знать не хотел. Впрочем, мне и не суждено было узнать об этом: я попросту не успел узнать. Я не успел даже докурить первую сигарету.

– У вас свободно? – услышал я над собою, и покой исчез из моей жизни навсегда.

Свободно? Конечно же, у меня было свободно, и дело не только в распроклятом стуле: огромное свободное, подобное глубочайшей яме, пространство называлось моим существованием. Здесь всегда было свободно.

И сейчас, делая эти записи, я понимаю, что девушка это почувствовала ещё до того, как задала свой риторический вопрос:

– У вас свободно?

Я молча указал на стул. Рука не дрожала, хотя сильнейшее волнение нахлынуло на меня в тот момент подобно горячей волне. Вероятно, справиться с ним мне помогла сигарета, создающая ту самую иллюзию покоя.

Она кивнула и, поставив на стул маленькую чёрную сумочку, пошла к барной стойке, где купила большую упаковку чипсов и стакан разливного пива.

Минут десять – пятнадцать сидели молча, причём я демонстративно старался не глядеть в её сторону. Я пил, выкурил ещё одну сигарету, с величайшим интересом просмотрел знакомое до тошноты меню телефона, словом, делал всё, чтобы создать образ праздного гуляки, абсолютно довольного жизнью и ни в чём не нуждающегося. Не знаю, насколько мне удавалось это внешне, по крайней мере, я очень в этом сомневаюсь, потому как все пятнадцать минут внутри клокотали противоречия. Всё смешалось здесь: раздражение, радость, надежда на что-то. Одна половинка разума говорила мне, что не станет одинокая девушка просто так подсаживаться к одинокому мужчине, а другая половина сразу возражала: мол, почему бы и нет, тенистый навес в жаркий июльский день так заманчив, а единственный стул не оставляет выбора. Она просто выпьет стаканчик холодного пива, посидит немного и уйдёт, равнодушная и надменная.

– Вы не угостите меня сигаретой? – услышал я её голос, и вторая половинка притихла, а первая насторожилась.

Ничего не говоря, я протянул девушке сигарету и поднёс зажигалку к её лицу.

Она осторожно затаилась и едва удержалась, чтобы не закашляться.

– Вообще-то я не курю, – сказала она почти виновато. – Вернее, бросила около года назад, но... сегодня можно. Сегодня многое можно.

Всё происходящее было настолько необычно, непривычно и настолько не вязалось с моим недавним состоянием шаткого, с таким трудом обрётённого покоя, что я растерялся. Какой-то ступор овладел мною. Хотелось что-то сказать, что-то спросить или даже вскочить и убежать без оглядки от чужой незнакомой жизни, наполненной проблемами, быть может, куда более тяжкими, чем мои собственные.

– Да вы не волнуйтесь, – вновь услышал я голос. – Я не хочу нарушать ваше одиночество. Право быть одиноким – священное право. Двадцать минут – и я уйду.

– С чего вы решили, что я одинок? – спросил я не без любопытства, не заметив даже, куда подевался недавний ступор.

– Не знаю, – ответила она, задумчиво глядя в стакан. – Я как-то почувствовала... Взгляд, может быть... Или что-то ещё. Не знаю. Это не объяснить, но это так. Одиноки вы, очень одиноки...

– Я женат, – возразил я, криво усмехнувшись, и сделал добрый глоток, потому что горло вдруг пересохло.

И тут она засмеялась. Станным, нагоняющим не веселье, а уныние был этот смех, длившийся какие-нибудь жалкие десять секунд, но вобравший в себя всё то, что неотступной тенью висело над моим созданием на протяжении лет, прошедших под вывеской: «Я женат».

А потом пришла эта женщина и засмеялась, и вывеска упала, больно ударив по голове. Неудивительно, что кроме уныния досада и злость вспыхнули во мне, когда на том месте, где висела проклятая надпись, я увидел высеченные в мраморе буквы. «Одиночество», – подмигивали они идиоту, пьющему пиво в переполненном летнем кафе.

– Я не вижу, что здесь может вызвать смех, – процедил я, угрожающе качнулся в её сторону и тут же пожалел об этом, почувствовав, как девушка сжалась, словно в ожидании удара.

Мне даже почудилось, что она сейчас вскочит и убежит. Но она обхватила собственные плечи, как делают люди, когда холод дохнёт им в лицо.

– Извините. – Голос испуганного ребёнка, вызывающий желание обнять, погладить по голове и сказать, что всё будет хорошо. – Извините... Я совсем забыла, что не умею смеяться. Я умею приносить людям несчастье, а смеяться не умею...

– Мне вы никаких несчастий не приносили, – промолвил я, сильно смутившись от её непонятных откровений. – К чему извинения?

– Может быть... Может быть, и не приносила, а может, только тем уже, что села за этот столик, принесла.

Не по-женски большими глотками она допила пиво, и в этой торопливости мне почудилось намерение встать и уйти.

– Хотите ещё? Позвольте вас угостить? – спросил я, взяв в руки пустые стаканы и поднимаюсь с видом не терпящего возражений человека.

– Зачем? – услышал я и застыл, сбитый с толку этим простейшим словом.

– А что в этом плохого?

Она молчала, сложила руки на столе, как это делают первоклассники, и долго задумчиво их рассматривала, точно забыв о том, что я стою в нелепой позе с двумя пустыми стаканами и жду ответа.

– Что ж, угощайте, если не боитесь... – сказала она наконец, не поднимая взгляда, и ощущение погружения в холодный омут посетило меня среди зноя июльского дня.

Всё происходящее резко контрастировало с недавним бесцельным брожением по улицам. Я словно выпал из реальности, смотрел теперь широко открытыми глазами на какой-то параллельный мир, живущий иными, непонятными законами. Хотя, если задуматься, всего только одна необычная девушка вошла в мою жизнь и села за столик, чтобы выпить пива.

Когда я вернулся с наполненными стаканами и большой пачкой чипсов, моя загадочная соседка прятала в сумочку телефон. Вероятно, в моё отсутствие состоялся некий неприятный разговор. Об этом свидетельствовал блеск в её глазах.

Молча поставив на стол покупки, я осторожно сел и закурил, с показным безразличием стряхивая пепел в обрезанную алюминиевую банку, стараясь, чтобы она поняла: мне нет дела ни до телефона, ни до блеска загнанных обратно в себя слёз.

– Муж звонил, – просто и веско сказала она, отчего я едва не подавился дымом и долго стучал себя кулаком в грудь.

Внутри всё хрипело и скрежетало, но девушка, похоже, лучше, чем я, умела не замечать чужих проблем.

– Муж – это человек, который имеет право заходить в мою спальню без стука.

– Вам повезло, – сказал я скрипучим голосом, всё ещё чувствуя боль, – у меня дома нет такой комнаты.

– Я сказала, что больше не вернусь, но он не верит.

Внезапно почувствовав непонятное раздражение, я раздавил сигарету в пепельнице.

– Я не психотерапевт. У меня своих проблем по горло, и ваши семейные неурядицы мне не интересны.

Сверкающая капля скатилась по её щеке и упала в холодное терпкое пиво.

– Вы кого-нибудь когда-нибудь любили? – спросила она, и мне вдруг сделалось неуютно под этим чистым, открытым взглядом.

К счастью, ответ стоял на столе.

– Я и сейчас люблю. И всегда любил. И всегда буду любить. Вот она – моя девушка!

Пиво приятно искрилось в стакане.

– Идеальная подруга. С ней никогда не бывает скучно, она не уйдёт к другому, не станет досаждать упрёками и капризами. По мне, так все женщины мира не стоят этой одной, универсальной.

Она неожиданно улыбнулась, а потом произнесла нечто такое, от чего мне сделалось жутко:

– Я просила его не уходить позавчера. Было очень плохо. Просто просила не бросать меня этой ночью. Но там был мальчишник, а здесь какой-то бзик и каприз. Дверь хлопнула. Как будто капкан сомкнул челюсти. Больше всего на свете я боюсь этого звука... Бутылка белого вина стояла в холодильнике... Стало хорошо, спокойно... Показалось, что ночь можно пережить... А дальше, не помню точно, где-то около двух сон ушёл и квартиру заполнила густая, страшная пустота. Я ходила по этой пустоте, задыхаясь и плача. Пугающие тени шевелились в углах. Ощущение наступающей смерти – вот что принесла с собою ваша любимая девушка. Я не умею умирать.

Точно стеклянный колпак опустился на наш столик. Я видел, как шевелятся губы сидящих в кафе, но не слышал ни единого звука. Пиво больше не искрилось. Встречный билет лежал в кармане. Билет, который я окрестил не так давно жалким чучелом надежды. Открыл потайную дверцу и впустил в мою жизнь нечто необъяснимое.

— Как тебя зовут? — спросил я и испугался собственного голоса, прозвучавшего неестественно и глухо под стеклянным колпаком.

— Нет-нет, — поспешным жестом остановила меня девушка. — Не надо никаких имён. Пожалуйста, не надо... И ваше мне не называйте. Мы просто путники, встретившиеся в бескрайней безводной пустыне. А когда люди встречаются в пустыне — они обречены идти вместе хотя бы до ближайшего оазиса. В пустыне нет имён. Есть только песок и жажда.

— Да, — тихо промолвил я, околдованный этими прозрачными образами и этой плавной речью. — Песок рутины и жажда общения. Но ты забыла про солнце. Там есть ещё солнце — огромное ослепительное солнце, которое светит, казалось бы, только для двоих и которое убьёт этих двоих, если оазис не будет найден.

Колпак продолжал глушить звуки, и ещё одно чувство посетило меня в этом сжатом пространстве. Мне почудилось, что здесь остановились часы. Какие-то две минуты прошли с момента, как я неосознанно перешёл с ней на «ты», а ощущения говорили, что так было всегда. Я не спрашивал её ни о чём, но и сейчас, когда боль капает с кончика авторучки, уверен: всё то же самое (и колпак, и удивительный пространственно-временной сбой) явилось и ей.

Нет, разумеется, в действительности не было никакого сбоя. Время не останавливалось, и пространство не сжималось до нашего столика. Всё это были лишь ощущения. В реальности же я сидел посреди раскалённого осточертевшего города и пил холодное пиво с совершенно незнакомой женщиной. Шёл восьмой час долгого летнего вечера, а мне было очень хорошо и спокойно. О том, что будет, когда этот вечер закончится, я не думал.

Потом в кафе включили отвратительную громкую музыку, и наш маленький колпак с тихим звоном рассыпался под грубыми ударами внешнего мира. Не сговариваясь, но со странной уверенной синхронностью мы встали и пошли по узкой земляной тропинке, петляющей между старыми тополями, прочь от визгливого веселья и злобного воя машин. Там, за тополями, ждал серый пыльный город, но в тот момент я почему-то его не боялся, хотя смутно догадывался, что оазиса в этом городе нет, не было и не будет, а значит, гибель неизбежна.

Почти два года минуло с того дня. Семь сотен бесцветных, бессмысленных суток. Всё бы-

ло в этих сутках: шумные праздники, болезни, периоды хандры и возрождения, но всё равно они остались бессмысленными и бесцветными, потому что в них не было её.

Парадоксально, но при всём роковом влиянии, оказанном этой женщиной на моё последующее существование, я по сей день не могу вспомнить её лица... Какой-то призрачный, колышущийся, будто отражение в воде, образ стоит передо мной, но всегда ускользает, стоит сделать попытку детализировать его. Удивительная вещь память — странная, во многом глупая вещь. Как могло получиться, что я помню, в каком киоске покупал пиво, помню, что это было за пиво, но не помню момента, когда мы взяли за руки? Действительно, странно.

Я помню, как мы шли по бесконечным улицам и тихо беседовали. То была долгая, очень долгая беседа, но ни единого слова о нашем прошлом не было сказано, словно жизни до кафе не существовало, словно за тем столиком мы достали чистую общую тетрадь и принялись писать биографию. Мне кажется, что тетрадь и сейчас открыта и ждёт, когда чья-то счастливая рука возьмёт авторучку. Однако этого не случается. Первая встреча останется последней. Беспощадное солнце не убило нас, и в этом выразилась его беспощадность.

Закат мы встретили на набережной реки. Красное страшное светило устало опускалось за холмы, и небо вокруг него напоминало кровоточащую рану. Мы сидели на скамейке. Я спокойно курил, тяжело и мутно было на душе.

А она улыбалась, положив голову мне на плечо. Хотелось сжать её в объятиях и не отпустить. Я согласился бы всю жизнь сидеть на скамейке, глядя, как солнечная кровь растекается по небесам. Я согласился бы на вечный закат, только бы она не исчезала.

Помню, как тощая дворняга прибежала откуда-то и уселась напротив скамейки, глядя на нас грустными, детскими глазами в ожидании подачки. Моя спутница долго гладила дворнягу, ласково извинялась за то, что ничего не можем ей дать. А мне хотелось лечь рядом и завить от понимания того, что единственный человек, которого я повстречал в удушающей пустоте, при всём желании не в силах мне дать ничего, кроме шаткой, невесомой надежды, делающей жизнь возможной, но ничуть её не облегчающей. Когда дворняга убежала, девушка посмотрела на меня всё с той же удивительной свежей улыбкой. По-

казалось, что она сейчас начнёт меня гладить, как то несчастное бездомное животное, однако этого не случилось.

Небесная рана затягивалась. Чёрная ночь опустила звёздный занавес.

– Я боюсь темноты, – услышал я и тотчас испугался сам. – Мне всегда кажется, что кто-то подкрадывается, когда гаснет свет. Пожалуйста, уйдём отсюда.

Я подал ей руку, и мы пошли в сторону города, святящегося мёртвыми огнями. Моё сердце едва не остановилось после того, как вслед нам понёсся тоскливый и монотонный собачий вой – поминальная песня по очередной маленькой цифре в календаре.

С наступлением тьмы зной ослаб, но всё равно воздух оставался тяжёлым и душным. Он, казалось, высасывал влагу из организма. Пиво не пьянило, а лишь позволяло балансировать на грани обезвоживания. Центральные проспекты ломались от праздной молодёжи, и почти каждый нёс в руке сосуд. Неоновые вывески загадочно мерцали, внося смутное беспокойство в размеренное течение людского потока, несущего нас вдоль бетонных берегов. Мы не сопротивлялись потоку, напротив, мы растворились в нём, отдались его воле, стали частицей огромного коллективного разума, неспособного ошибиться в выборе направления. Однако, когда поток отхлынул, выплеснув нас к подножию огромного каменного куба, я не мог не изумиться этой мистической роковой безошибочности. На вершине куба в обрамлении искрящихся стеклянных пальм горели пять громадных красных букв.

– Оазис, – прочла она тихим, испуганным голосом. – Этого не может быть.

– Развлекательный центр, – сказал я успокоительно, хотя сам не чувствовал спокойствия. – Ему уже больше года, но сегодня я совершенно о нём забыл. Символичное совпадение.

– Это не совпадение, – покачала она головой. – В такую ночь не бывает совпадений. Это выход. Понимаешь? Мы нашли его, а значит, мы спасены.

– Ну-у, – неопределённо протянул я. – Там есть кинозалы, есть несколько баров и кафе, есть, наконец, боулинг. Кстати, занимательная игра. Можно зайти, побросать шары, хоть это и не слишком вяжется со словом «спасение».

– Да, да! – воскликнула она вдруг оживлённо. – Пойдём! Я давно мечтала научиться. Впрочем... Это, наверное, дорого.

Я задумчиво похрустел банкнотами в кармане:

– Нет, не думаю... Будний день, время позднее, скорее всего, цены вполне разумные.

Главный вход был уже закрыт в этот час, и нам пришлось обойти клуб вкруговую, прежде чем отыскалась заветная дверь. Широкая лестница утомительно ползла ввысь. Одинаковые сверкающие стеклом и металлом этажи, дремлющие обесточенные эскалаторы, цветастые рекламные плакаты, чёткие квадратные пятна светильников над головой. Своеобразным был «Оазис», приютивший двух путников, заблудившихся в пустыне собственной жизни. Он походил на языческий храм, в котором идол праздности собирал щедрые дары, награждая дорящих розовыми очками.

Наш подъём окончился на четвёртом этаже. В боулинге царило какое-то ожесточённое веселье. Стук разлетающихся кеглей, быстрая ритмичная музыка, голоса, сливающиеся в непрерывный нестройный гам, агрессивное синее освещение, obsлyга, снующая между столиками с разносами в руках, воздух, искусственно охлаждённый и кажущийся от этого несытным и неживым.

132

Я почувствовал, что моя спутница напряглась, словно не спасением, а огромной братской могилой был этот неистовый сгусток современности.

Но отступление уже не имело никакого смысла, как не имело его и всё остальное. Предчувствие не обмануло меня. Цены оказались вполне терпимыми, и без всякого ущерба для бюджета я на два часа арендовал первую дорожку.

Сменив обувь, мы вернулись к стойке, и тут случилась лёгкая заминка. Нас попросили назвать имена. Вспоминая её голос и паузу, предварившую ответ, я на сто процентов знаю: она сказала неправду. Впрочем, какая разница?

Как только мы прошли к столику у первой дорожки, у компании, кидавшей шары по соседству, окончилось время, и что-то отдалённо напоминающее шаткое, уязвимое уединение образовалось среди всеобщего беспокойства и суеты.

Я заказал пару кружек пива и сразу расплатился, стараясь максимально обезопасить наш хрупкий мирок от ненужных вторжений.

Началась игра. Для новичка она бросала превосходно. Выиграла первую партию, выбив подряд три страйка в конце, была близка к победе во второй, а в третьей вдруг что-то слу-

чилось между нами. Будто какие-то невидимые нити переплелись и завязались в красивые удивительные узлы. Мы внезапно и непостижимо превратились в семью в некоем высшем, сакральном смысле этого обезображенного паспортными штампами слова. Объятия и поцелуи незаметно стали сопровождать каждый удачный бросок. И то были не страстные, звериные поцелуи сорвавшихся с цепи любовников. Они были тёплыми, как летнее утро, и пронзительно-глубокими, как безоблачное ночное небо, сквозь которое видно космос.

Розовые очки, выданные на входе идолом праздности, сработали, и я тогда не подумал, что на выходе их придётся вернуть.

Два часа прошло. Я продлил время на час, потом ещё на полчаса. Это была жалкая и неравная, но неистовая и отчаянная битва с огромным прожорливым чудовищем по имени Время. Я не мог ни убить, ни остановить его. Я мог лишь изо всех сил вырваться из его липких лап, выцарапывая золотые молекулы жизни. Но рассвет уже шагал в направлении каменной душегубки города, и для меня этот рассвет был равносильен закату. Солнце взошло, но осветило не дивный сад, а поле, усеянное изрубленными телами наивных мечтателей. Шесть утра показывали уставшие часы, когда мы, жадно сжимаемая друг друга в объятиях, стояли на автобусной остановке. Редкие сонные прохожие смотрели на нас как на беспечных идиотов, не чувствуя нашей боли, которая, подобно сигналу SOS, растекалась с обречённого судна в равнодушное пространство.

Казалось бы: вы встретились в мире, где ничтожен шанс на подобную встречу. Вы пропали без вести и нашлись, когда суд постановил считать вас умершими. Так будьте же вместе, возьмитесь за руки и идите. Настоящие встречные билеты не выдаются дважды. Щедрость не является одной из черт этого бессмысленного и чёрствого мироздания.

Я помню номер маршрута, которым она уехала из моей жизни. Это единственный тонкий луч, по которому я теперь иду сквозь темноту грядущего. Мы не обменялись даже телефонами.

Я не знаю, как могло такое случиться, но думаю, что лживые розовые очки, хотя и были возвращены идолу на выходе из «Оазиса», продолжали действовать до того момента, как захлопнулась квартирная дверь. Вид ненавистной

обстановки точно тяжёлая палица опустился на мою голову. Я сел на пол посередине душевного зала и больше часа неподвижно, с остановившимся взглядом подавлял в себе страшное желание монотонно завывать, подобно покинутой дворняге, преданной человечеством.

До того, как захлопнулась дверь, казалось, что всё у нас теперь будет хорошо. Но у кого? Ни имён, ни адреса, ни телефона – лишь призрачный, как отражение в воде, образ.

То высшее, абсолютное единение двух душ начисто отрицало самую мысль о каких-то прозаичных телефонных номерах. Мы не могли, стоя в храме, обмениваться пошлой житейской информацией. Возможно, поэтому наши пути разошлись. Где-то очень глубоко возникло понимание того, что жизнь в храме невозможна. Поставить штамп в паспорте, наплодить детей, вместе смотреть глупый телевизор – вот оно, будущее, которое сулит бумажный клочок, выданный мне кондуктором, и теперь, когда желание выть давно прошло, я стараюсь убедить себя в правильности разлуки.

Через полгода после того, как скрылся за поворотом автобус, я развёлся.

Сделал я это не для того, чтобы посвятить оставшееся существование поискам отражения в воде. Я просто решил быть один.

Разумеется, мечта о ней не исчезла. Мечта лишь окрепла и возмужала за два года.

Иногда я хожу на ту остановку и подолгу стою в тени киоска, приглядываясь к пассажирам памятного маршрута. Иногда посещаю летнее кафе в городском парке и сижу за столиком со стаканом пива и сигаретой, надеясь, что кто-то войдёт и спросит: «У вас свободно?» Иногда среди ночи внезапно срываюсь с места и лечу на такси в направлении «Оазиса», где в полном одиночестве бросаю шары. Вот только розовые очки идол праздности мне больше не выдаёт, понимая, что я не из этой компании.

И одно «главное» воспоминание бродит за мной по пятам. Это воспоминание о поцелуе у открытой двери урчащего, торопящего события автобуса, о поцелуе, давшем мне надежду на ненеправдливость жизни. Только ради него я жил, живу и буду жить, несмотря ни на что.

Я понимаю: бессмысленное и чёрствое мироздание, подарившее человеку один-единственный миг абсолютного, высшего счастья, того стоит.